

⁵⁴ Алексеев Н.А. Ранние формы религии... С. 156–159; *его же*. Шаманизм тюркоязычных народов... С. 31, 40; *его же*. Традиционные религиозные верования... С. 70; Бутанаев В.Я. Культ богини Умай... С. 103; *его же*. Воспитание маленьких детей... С. 212; Павлинская Л.Р. Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. С. 243; Каруновская Л.Э. Из алтайских верований... С. 20–28; Потапов Л.П. Указ. раб. С. 274–276; Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. С. 195–197.

S.G. S c k o b e l e v. The category of *khut* and its attributes by the Turkic peoples of Siberia and Central Asia

The notion «khut» by the majority of the Siberian and Central Asian peoples means something like «the potential of life», «the embryo of life», «the power of life», «the soul», etc. There is a view that «khut» is connected with the ancient tradition of Turkic peoples to preserve the baby's placenta in a special bag or case. The placenta became the materialises symbol of «khut». The relation of «khut» to the Goddess of fertility Umai is evidently traced. Of the particular interest are the findings of the placenta bags in the tombs dated to the period of VIII–XVIII, excavated in Siberia (Enisei-river) and in Kirghizia.

© 1997 г. ЭО, № 6

И.В. Октябрьская

КАЗАХИ АЛТАЯ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Актуальная для современности проблема создания моделей функционирования многонациональных сообществ предполагает изучение опыта взаимодействия этнических образований, составляющих эти сообщества.

Практика образования новых автономий под лозунгами «национального самоопределения» ориентируется на структурирование полиэтнических сообществ, фиксирует разделение народов на коренное население и мигрантов, на доминирующий этнос и национальные меньшинства. Возможности самореализации новых меньшинств во многом определяют социально-политический контекст государственных структур, возникших после распада унитарной системы.

К числу субъектов Федерации, ориентирующихся на этнонациональную доктрину, относится Республика Алтай, в 1994 г. провозгласившая суверенитет в территориальных границах Горно-Алтайской автономной области. Программные документы Республики декларировали «национальную государственность», выразившую «волю и интересы проживающих в автономной области народов к самоопределению, социально-экономическому прогрессу, культурному и духовному возрождению»¹.

Накануне провозглашения независимости (в 1989 г.) на территории Горного Алтая проживало 190,8 тыс. человек, в том числе: русских – 115,2 тыс., алтайцев – 59,1 тыс., казахов – 10,6 тыс., украинцев – 1,7 тыс., немцев – 0,83 тыс., татар – 0,39 тыс., белорусов – 0,37 тыс. и т.д. Казахи являлись третьим по численности народом Республики. При этом основная их часть (83,4%) была сосредоточена в Кош-Агачском, 5,8% – в Усть-Канском, 3,1% – в Улаганском, 1,7% – в Шебалинском, 1% – в Онгудайском районах и т.д.².

Формирование этнической группы казахов Горного Алтая – результат активных этнополитических процессов, протекавших в Центральной Азии и в восточных провинциях Российской империи в XIX – начале XX в. После завершения начальных этапов этнообразования история региона определялась расстановкой сил различных

этнотерриториальных группировок кочевой ойкумены, втянутых в орбиту геополитических интересов России, Китая, Монголии и Казахских ханств.

К началу XIX в. (после разделения основных сфер влияния) азиатские территории отличались сложным смешанным составом населявших их народов и подвижной чересполосицей их кочевий³. Дальнейшее развитие ситуации было связано с демаркацией границ Российской державы и Цинской империи. Только в 1864 г. был подписан Чугучакский договор, который впервые обозначил границу России от Алтая до Тянь-Шаня, впоследствии уточненную Санкт-Петербургским договором 1881 г. Договор о границах включал и вопрос о народонаселении некогда спорных территорий. Один из его разделов гласил: «Где помянуты народы жили до сего дня, так по-прежнему и должны оставаться» и «к какому государству отошли места кочевок этих народов, к тому государству вместе с землей отходят и самые люди, и тем государством управляются»⁴.

Установление фиксированной границы изменило традиционные маршруты кочевания и вызвало дробление пограничных этнических (в том числе казахского) ареалов. Во власти Китая оказались многочисленные группы казахов Среднего Жуза – родовые подразделения кара-кереев (племени найманов), абак и айшемайлы (племени кереев). В конце XIX – начале XX в. они кочевали в бассейне Кобдо до вершин Булгуна, Саксая и далее, сохраняя при этом устойчивые связи с казахской степью и Алтаем⁵.

Наряду с внешнеполитическим фактором существенную роль в корректировке этнополитической карты региона сыграли административные и земельные реформы XIX – начала XX в. на окраинах Российского государства. Вызвав активную колонизацию окраинных степных областей, они привели к сокращению традиционных пастбищных угодий. Именно в это время в Центральном Алтае появились принявшие православие казахи – выходцы из Прииртышья и от Бийской казачьей линии, осевшие преимущественно в станах Алтайской духовной миссии. Их потомки составили сильно метисированную в настоящее время группу казахов, расселенную в пределах центрального Алтая (большей частью в Усть-Канском районе). В 1869 г. в Бийском округе насчитывалось 483 человека, исповедовавших ислам (среди них были, по мнению исследователей, и новообращенные алтайцы)⁶.

В последней трети XIX в. в результате обострения земельного вопроса и изменения социально-политической конъюнктуры началась направленная миграция казахских родов из Прииртышья, Монголии и Китая в пограничные области южного Алтая (территория современного Кош-Агачского района Республики Алтай). Известно, что этот район (урочища Колгуты, Укок, Джазатор) на протяжении 200 лет (XVIII–XIX вв.) был местом зимовок казахов, кочевавших по правому берегу Бухтармы (Чингистайская волость Усть-Каменогорского уезда)⁷. Но планомерное сокращение пастбищных угодий в результате передачи земли во владение Кабинета, а также создания казачьих и крестьянских поселений обострили проблему жизненного пространства. С согласия теленгинских старшин во второй половине XIX в. казахи стали осваивать (арендовать) земли 1-й и 2-й Чуйской волостей. Их проникновение в долины рек Ак-Алаха и Джазатор и далее в пределы Чуйских волостей продолжалось на протяжении нескольких десятилетий. В 1882 г. летние стоянки казахов были зафиксированы на Ак-Коле. Новые группы казахов появились в этом районе в середине 1880-х годов. Известно, что в 1870 г. бий Тохтамыс поднял чингистайцев (казахов родовых подразделений самаев, каратаев, кара-кереев племени найман) и убедил их бежать в Китай. Через десять лет они вновь пересекли границу, начав перекочевку в сторону Алтая – в пограничные урочища Конгуты, Укока, Джазатора, Джумалы, затем Тархаты и далее на теленгинские земли. В 1890 г. в пределах 2-й Чуйской волости, согласно рапорту родового старосты Т. Юлукова, насчитывалось 128 кибиток чингистайских казахов, которых возглавлял Нурсалхан Тохтамысов и Атчабак Ухаев⁸. В 1993 г. в пос. Джазатор, где живут потомки чингистайских (катонских – от названия пос. Катон-Карагай на левом берегу Бухтармы бывшей волости Чингистай) казахов, была

записана генеалогия легендарного бия Тохтамыса. В рассказах своего правнука Кабаса Нурсалканова он обрел черты эпического героя: обладал мудростью, сильным характером, богатырской силой, поэтическим даром. Его якобы знал весь Алтай. И сам Аргымбай, лидер зарождавшейся алтайской буржуазии, стал побратимом Тохтамыса, подарив ему белую лошадь под седлом и плеть.

Вымысел и реальность переплетаются в этнической памяти, опорными точками которой служат образы предков-первопроходцев. Казахи Кош-Агача чтят память Абдульдо Сарыкалдыкова и его прямых потомков.

Согласно версии, записанной в 1898 г., вероятно, со слов самого Абдульдо, предки казахов, именуемых по прапрадеду сарыкалдыками, а по прадеду кольджибаевцами, «жили издавна на урочищах Чингистай и Арчеты. Лет 30 тому назад, в 1865 или 1866 г., когда вышеназванные места продолжали оставаться за Китаем, они из-за тесноты двинулись было на юг, к Кобдо, но и там в искомом приволье сказался недостаток, и потому кольджибаевцы через 15 лет, в 1880 г., потянулись обратно. Но в эту пору и Чингистай, и Арчеты были уже в русских пределах и были заняты другими родами. Тогда они перешли по соседству в Бийский округ на Кабинетские свободные земли. С согласия калмыцких (теленгитских) зайсанов 1-й и 2-й Чуйских волостей (потому что Кабинет отдал эту землю калмыкам) они кочуют по рекам Тархаты, Ясатеру (Джазатеру) и Чоганборгузу, платя 50–100 руб. в год арендной платы» (по другим источникам она составляла 500–600 руб. в год)⁹.

В условиях фактически открытой границы миграции населения в приграничной зоне имели нерегламентированный характер. Казахи (китайские подданные) нередко спасались от уплаты налогов в российских пределах. Свободное передвижение кочевников дестабилизировало положение и создавало немало трудностей в развитии торговых отношений России с восточными соседями. Приграничные участки караванного пути, идущего в Монголию и Китай, пользовались недоброй славой.

Один из известных алтайских предпринимателей того времени А.Д. Васенов в 1886 г. возглавил торговую миссию Никольской мануфактуры и в очередной раз прошел путь от Бийска до Кобдо и далее в провинцию Ганьсу. «Не буду описывать пройденного караваном пути от Бийска до г. Кобдо, – записал он в своем дневнике, – особенных приключений с нами не произошло, только в Кош-Агаче у нас украли двух лошадей киргизы (казахи. – И.О.) – кирейцы, китайские подданные, которые несколько лет кряду вполне хозяйничают в наших пограничных пределах, занимают насильно лучшие пастбища наших алтайцев и теленгитов. Своеволие их доходит до явного насилия и грабежа над алтайцами и даже русскими, но жалобы последних надлежащему начальству остаются без последствий»¹⁰.

Российские власти пытались нейтрализовать усиление казахов-мусульман на Алтае. Еще в 1880 г. в рамках Алтайской духовной миссии было открыто противомусульманское отделение «для действия на киргизов (казахов. – И.О.) Бийского округа, частью Семипалатинской губернии»¹¹. В начале XX в. в приграничном районе (в селениях Чибит, Улаган, Башкауз, Чулышман, Чодро, Кош-Агач – территория современных Улаганского и Кош-Агачского районов) действовало шесть православных храмов (в Кош-Агаче церковь была открыта в 1871 г.)¹² и не было ни одной мечети. Однако это не мешало активной проповеднической деятельности мусульман-миссионеров из Средней Азии и Поволжской губернии.

Освоение казахами приграничных районов Алтая продолжалось. В 1887 г. выходы из Китая заявили о своем желании перейти в российское подданство. Они подали прошение на высочайшее имя. Российские власти, приняв документ к рассмотрению, отвели «неверноподданным» казахам «пустолежащие» земли Колгуты и Укока. Однако сарыкалдыки не спешили выполнять государственные решения. Большая часть их кочевий по-прежнему располагалась в долине р. Тархаты¹³.

Группа сарыкалдыков после выхода из-под контроля китайских властей и переселения за границу на свободные земли Алтая состояла из 77 семей (кибиток). В 1900 г., накануне принятия российского подданства, ее численность возросла до 110, а

в 1907 г. – до 150 семей. Путешественники, посетившие кочевья сарыкалдыков в 1898 г., восхищались их зажиточностью и отмечали наивное тщеславие предводителя казахов, составившего «Посемейный список народа Сарыголдак»: «Все носят фамилию Сарыголдак»¹⁴. При этом уже с 1890-х годов в высшие инстанции Томской губернии и Алтайского округа начали поступать донесения о чинимых им злоупотреблениях. В написанном в 1901 г. прошении казахов, кочующих в верховьях р. Чуя в урочище Кош-Агач, говорилось: «Ранее до верноподданства нашего России нами управлял киргиз (казах. – *И.О.*) зайсан Абдулло Калдыкин, и во все управление нами он совершенно обобрал наше общество кого и чем мог; между прочим распространил среди нашей кочевой группы грабежи, воровство и драки посредством принятых им на жительство киргиз (казахов. – *И.О.*), совершивших ранее преступления в местах прежних приписок, где таковые именно ранее нас были уже в подданстве России; а некоторые лица из них привлечены Абдуллою во второй раз к присяге на верноподданство»¹⁵.

Укрывая беглецов, приглашая соплеменников из Монголии и Бухтарминского края, взимая с них за это дань, «свободный зайсан» Абдулло увеличивал численность собственных подданных. Несмотря на неоднократные, порой ультимативные требования местных властей покинуть пределы Чуйской степи и откочевать на отведенные земли Колгуты и Укока, А. Сарыкалдыков продолжал контролировать районы, прилегавшие к торговому тракту, который шел из Кош-Агача в Кобдо. Постепенно его влияние распространилось на всю 50-верстную приграничную полосу, в пределах которой действовал принцип беспошлинной торговли, сулившей немалые доходы¹⁶.

Укрепляя собственное положение, А. Сарыкалдыков добивался включения вольных казахов-сарыкалдыков в официальные государственные структуры. Не единожды он подавал прошения об административном устройстве своих подданных: о выделении занимаемой ими территории в самостоятельную волость, а также о предоставлении ему печати и статуса волостного старшины или родового старосты. Уездное и губернское руководство считало целесообразным создание казахской волости для установления контроля над ее населением. Однако оно не стремилось к признанию власти свободного зайсана. В 1908 г. на имя уездного исправника поступил рапорт пристава 5-го стана Бийского уезда с ходатайством о тюремном заключении и высылке в Нарымский край политически неблагонадежного зайсана А. Сарыкалдыкова¹⁷. И хотя конфликт с официальной властью приобрел критический характер, родовое подразделение сарыкалдыков сохранило статус наиболее почетного среди казахов Южного Алтая.

Процесс переселения казахов продолжался и в последующие годы. Все более проблематичным становилось поземельное устройство. Формально этот вопрос разрешен в 1912–1913 гг., когда Землеустроительная Комиссия предъявила казахам отводную запись. В соответствии с нею под казахские кочевья были определены земли на левом берегу р. Чуи. Численность казахов, получивших этот надел, составляла 672 души мужского пола (из них 462 – сарыкалдыки, 210 – катонские казахи). Они и образовали население вновь созданной Казахской волости¹⁸.

Однако ситуация в южных пределах Горного Алтая была далека от стабилизации. Одно из ведущих мест во внешней политике России на Востоке вновь занял пограничный вопрос – проблема русско-китайско-монгольских отношений.

После того как в декабре 1911 г. в Урге была провозглашена независимость Халхи, российские власти активизировали свою политику в Западной Монголии. Предметом имперских интересов стали Кобдоский и Алтайский округа. В 1912 г. Кобдо был присоединен к независимой Халхе, Алтайский округ (выделенный из состава Кобдоского в 1907 г.) остался под контролем цинского правительства. Стратегия царской дипломатии в отношении этих административных структур состояла в том, чтобы превратить их в буферную зону на границе с поднебесной империей¹⁹. Поэтому начиная с 1911 г. Россия оказывала всемерную помощь халхаским ханам в их борьбе за овладение Западной Монголией. Когда средства дипломатического давления были

исчерпаны, в 1913 г. она ввела в Кобдоский округ свои войска. Положение в этом районе было очень сложным. Светская и духовная власть находилась в руках жесткого и волевого авантюриста Джаламы, который вышел из-под контроля Урги, намереваясь создать независимое государство ойратов (западных монголов) в составе Кобдоского и Алтайского округов. Утверждая свою власть, он сделал нормой практику этноцида. Особенно жестоким преследованиям подвергались казахи, кочующие в округе. При аресте деспотичного лидера в 1914 г. в его доме, наряду с драгоценностями и мехами, был найден скальп казаха²⁰. По приказу Джаламы кочевников-мусульман лишали пастбищ, отбирали у них скот и имущество. Доведенные до отчаяния, в сентябре 1913 г. казахи бежали к русской границе. В этот период переходы через границу приобрели особенно массовый характер. Согласно представлению Крестьянского начальника 4-го участка Бийского уезда Томской губернии, «из провинции Монголии Бекен-Мерина в пределы Российской империи (надельные земли Бургузинского общества Кош-Агачской волости) вторглось более 5 тыс. человек монгольскоподданных киргиз (казахов. – *И.О.*)... Во главе киргиз стоит родовой зайсан Куванган, юноша 15 лет, отец которого засечен розгами монголами, а родной дядя Арсалан (зайсан же) остался в плену с четырьмя своими сородичами.

Причину, побудившую этих киргиз перейти русскую границу, послужило то обстоятельство, что монгольские власти, подозревая их в сношениях с китайскоподданными киргизами (казахами. – *И.О.*), стали их преследовать, принуждая к переходу в буддизм, и часто временно перегоняя их с места на место: с места их родины по долинам рек Кобдо, Саксай, Ойгур, Суок, Цыган-Гол и Карганаты они нынешнею весною были выселены из Бекен-Мерин, когда же их снова хотели переселить за город Уланком осенью, уже во время начавшейся бескормицы, они не пожелали исполнить этого распоряжения и самовольно перешли в пределы России, где и заняли надельные земли Бургузинского общества. По словам явившихся вслед за беглецами монгольских князей, киргизы перед своим уходом прирезали 40 монгольских солдат... Киргизы своей массой стали вытеснять коренное население. Киргизский скот начисто стал вытравлять зимние пастбища и заготовленное на зиму сено. Теленгиты, опасаясь преследования вторгнувшись к ним киргиз монголами, о чем ходят упорные слухи, и ввиду отсутствия с этой стороны русской воинской охраны стали спешно покидать свои жилища, угоняя скот, бросая все на произвол судьбы»²¹.

Перешедшие границу казахи подали прошение на высочайшее имя о желании принять русское подданство и нести все государственные повинности, включая военную службу. Царское правительство было против переселения казахов в пределы России и рассчитывало убедить их вернуться в Монголию. И все же глава русского консульства в Кобдо предупредил монгольские власти о том, что войска, посланные в погоню, не могут пересекать российскую границу. Он также предложил правительству Урги выделить казахам, которые вернутся в округ, хорошие пастбища. Монголы требовали выдачи беглецов, так как в 1912 г. те приняли подданство Халхи. Однако казахи отказались возвращаться. Одни из них откочевали на землю Восточного Казахстана и Томской губернии, другие переселились в Алтайский округ²².

Основное население этой части Китайской империи составляли (кроме монголов-торгоутов и урянхайцев) 12 казахских родов, в том числе казахи-киреевцы, ушедшие в конце XIX в. из пределов России и принявшие китайское подданство, а также китайцы, уйгуры и другие народы. Присоединение Алтайского округа к Халхе осложнялось не только наличием мощного военного контингента (группировки дунганских и китайских войск), но и политическими ориентациями многонационального сообщества. «Казахи, – подчеркивает Е. Белов, анализируя дипломатическую переписку, – составлявшие довольно значительную часть населения Алтайского округа, в общем-то не желали быть под властью Урги и Кобдо. Дело в том, что, по словам российского консула в Шарасуме (центр Алтайского округа. – *И.О.*)

М. Кузьминского, "законными собственниками" земель, которые в округе занимали казахи, являлись монголы. Казахи боялись, что с распространением власти ургинского правителя на Алтайский округ они могут быть либо изгнаны оттуда, либо их политическое и экономическое положение еще больше ухудшится»²³.

Казахи оказались между двух огней: возможная угроза депортации в будущем и разорительные поборы китайской администрации в настоящем. Усиление военного присутствия цинского правительства в округе обернулось непомерным увеличением налогов. Пытаясь избежать разорения, три тысячи семей казахов-киреевцев осенью 1913 г. откочевали в Сияньзянь. Ряд казахских угурдаев (родовых старшин) вынашивали идею «создать автономное княжество киргизских (казахских. – *И.О.*) родов под покровительством России для окончательного слияния в будущем с Российской империей». Другие казахские угурдаи надеялись, что русский царь даст им «временный приют» в России, а затем «по окончании смуты» вернет их на свои кочевья на Алтае и включит их земли в состав России²⁴. Тысячи казахов в сентябре 1913 г. ушли в степи Казахстана.

Противостояние Китая и Монголии с участием русских войск закончилось подписанием договора о демаркационной линии между Алтайским и Кобдоским округом. Усилиями российской дипломатии Алтайский округ, оставаясь частью Китая, стал сферой приоритетного влияния царской империи.

К 1915 г. монгольский вопрос был решен. Тройственная русско-китайско-монгольская конференция в Кяхте выработала соглашение о Внешней Монголии (образованной Халхой и Кобдоским округом), которая получила широчайшую автономию в составе Китая²⁵. В это же время началась обратная миграция казахских родов за пределы российского Алтая.

Начало первой мировой войны отозвалось ростом эсхатологических настроений среди коренного населения региона. Определенную роль в этом, по мнению сотрудников Алтайской духовной миссии, сыграли слова, принадлежавшие якобы архимандриту Макарию – основателю миссии. Он будто бы предсказал, что перед кончиной мира инородцев будут брать в солдаты. Это предание имело широкое хождение на Алтае. Ожидаемое постановление правительства о призыве инородцев на тыловые работы и о привлечении их к выполнению трудовой повинности (оно было принято в 1916 г.) вызвало волнения среди казахов и теленгитов.

Согласно миссионерскому отчету, в 1915 г. в Монголию бежали 182 семьи казахов. С собой они угнали скот теленгитов, поставив им ультиматум: «Или идете с нами и получите обратно свой скот, или же оставайтесь здесь, проститесь навсегда со своим скотом». В результате за казахами последовало 110 юрт теленгитов. За беглецами была выслана погоня. Но прежде чем войска выступили в поход, теленгиты решили возвратиться на родные пепелища. «Ехали они, держа в руках белый флаг и, кроме того, ведя в поводу белую неоседланную лошадь в знак своей покорности белому царю». В пределы русского Алтая возвратились почти все бежавшие теленгиты и почти 80 юрт казахов. Предводители беглецов были подвергнуты тюремному заключению²⁶.

История миграций в приграничной полосе имела драматический характер. Жестокая политическая круговерть, связанная со сменой политических режимов в России, привела к новым миграциям населения. Спасаясь от социально-экономических экспериментов и политических репрессий 1920–1930-х годов, сотни казахских семей из Восточного Казахстана и Алтая уходили в Китай и Монголию. Часто попытки вновь пересечь границу имели для них трагический конец.

Динамику этнодемографических процессов в пограничном районе Алтая позволяют проследить статистические материалы 1926–1927 гг. Численность казахов Чуйской степи они определяют в 100 аулов (из трех–восьми кибиток каждый). На территории Казахского сельского совета в те годы проживали 2175 человек (при общей численности казахов Алтая в 2326 человек). При этом в отчете по итогам переписи 1926 г. оговаривалось, что в Кош-Агачском районе остались не припи-

санными 43 хозяйства кочевых казахов, зимующих на р. Джазатор на территории государственного фонда, спорной между Ойратской автономной областью (созданной в 1922 г.) и Казахстаном. По родовому составу казахи Алтая принадлежали в основном к племени найманов (родовые подразделения каратай, кекжарлы, кара-кереи). Согласно материалам А.Н. Самойловича, к другим племенам Среднего Жуза относились: к кереем – четыре-пять семей, к уакам – 30 семей Чуйской долины²⁷.

Ко времени переписи 1939 г. численность казахов этого района приблизилась к 3 тыс. человек (при общей численности их на Алтае около 9 тыс. человек)²⁸. Тенденция к увеличению группы казахов Южного Алтая сохранялась и в последующие десятилетия. Новая волна иммиграции приходится на годы укрепления советско-китайских отношений. Стабильность границы и особый административный режим пограничной зоны определяли существование казахов Южного Алтая на протяжении последних десятилетий.

За время пребывания на Алтае в своеобразной природно-географической зоне высокогорья при относительной изолированности от основного этноконфессионального массива различные родоплеменные и территориальные объединения казахов консолидировались в единую этническую группу. Сохраняя память о местах исхода и поддерживая родственные связи с ближними к Алтаю казахскими районами, они сознают свою самобытность²⁹.

Об обособленности кош-агачских казахов свидетельствует принятый по отношению к ним в Катон-Карагайском и Маркакольском районах граничащей с Алтаем Восточно-Казахстанской области этноним *алтайцы*.

Языковая и культурная специфика группы во многом определяется ее иноэтническим окружением, контактами с алтайцами, теленгитами, а также с тувинцами и монголами приграничных территорий. Сегодняшнюю этнодемографическую ситуацию в районе характеризует смешанный характер поселений. По данным районного отдела статистики на 1994 г. казахи преобладают в четырех из 11 сельских советов: в Казахском сельском совете (пос. Жана-Аул и Актал) насчитывается 1246 казахов, восемь теленгитов и четверо русских, в Тобелерском (пос. Тобелер, Ташанта – 1484 казаха, 39 теленгитов и 6 русских, в Кош-Агачском (пос. Кош-Агач) – 1965 казахов, 341 алтаец/теленгит, 181 русский, в Джазаторском (пос. Джазатор, Куркуре) – 912 казахов, 429 теленгитов/алтайцев, 57 русских.

В других населенных пунктах большинство составляют теленгиты: в пос. Кокоря – 1342 теленгита, 91 казах; в пос. Теленгит-Сортогой – 361 теленгит, 244 казаха; в пос. Мухор-Тарха – 1164 теленгита, 193 казаха и 15 русских; в пос. Орталык – 717 теленгитов, 86 казахов; в пос. Чаган-Узун – 400 теленгитов, 81 казах, 3 русских; в Курайском с/с (пос. Курай и Кызыл-Таш) – 1178 теленгитов, 74 казаха, 141 русский и т.д.; в пос. Бельтир – 1303 теленгита, 1 казах³⁰. Сосуществуя в единой ландшафтно-климатической зоне казахский и теленгитский (алтайский) этносы, изначально родственные по языку и культуре, ориентируются на единую систему хозяйственного природопользования. В обустройстве жилища, изготовлении одежды, в сфере кулинарии соседствующие этносы перенимают опыт друг у друга. В значительно меньшей степени взаимная инфильтрация традиций происходит в соционормативной сфере.

Процент смешанных браков среди казахов Кош-Агачского района невелик: в 1995 г. – 7 из 71 официально зарегистрированного; в 1994 – 11 из 63; в 1993 – 11 из 76 (ср.: в 1946 г. – 1 из 25; в 1940 – 0; в 1935 – 1 из 16)³¹.

Погребально-поминальная обрядность казахов, пронизанная религиозной догматикой, наименее подвержена инокультурному воздействию. Она однозначно разделяет людей по этническому признаку. Так, в поселке Джазатор существуют два кладбища – алтайское и казахское, которые расположены на противоположных его концах. При этом алтайка, вышедшая замуж за мусульманина, имеет право завещать, чтобы ее похоронили среди родственников на кладбище отца. Верность традициям все более поощряется среди местных алтайцев. По обычаям предков проводятся погребальный

и свадебный обряды. Утверждению престижа национальных традиций на административном уровне способствует восстановление празднования Нового года по казахскому (Науруз) и алтайскому (Чага) обычаям.

В рамках алтайской государственности казахи, как и все народы Республики, получили подтверждение культурного и языкового суверенитета. Законодательные акты Республики провозгласили государственными алтайский и русский языки, оговорив, что казахский может использоваться на официальном уровне в местах компактного проживания его носителей³². Полилингвизм, реально существующий в Кош-Агачском районе, обусловлен как административно-политическими факторами, так и потребностями повседневной жизни, и особенностями общеобразовательной системы.

Долгие десятилетия основным языком обучения на Алтае оставался русский. С началом эксперимента по развитию национального образования в большинстве школ района (среди них три начальные, десять средних, одна неполная средняя) с 1-го по 4-й классы было введено преподавание на родном языке (на языке этнического большинства поселка), с 5-го по 11-й – на русском с сохранением курса родного языка. Собственные программы были утверждены для школы алтайской национальной культуры пос. Теленгит-Сортагай, а также для казахских школ пос. Жана-Аул и пос. Тобелер. К 1993 г. преподавание казахского языка было введено в восьми школах района. При этом обнаружилась нехватка учебной и методической литературы, а также неуккомплектованность школ специалистами, которых при отсутствии соответствующей языковой специализации в Алтайском педагогическом университете следовало готовить в вузах Казахстана³³.

В средней школе административного центра (пос. Кош-Агач), где в 1993 г. учились более 400 детей (из них 80% казахов, 15% алтайцев и 5% русских), основным языком обучения остается русский с ведением курсов родных языков³⁴. Несмотря на законодательное закрепление особого статуса казахского языка в пределах Кош-Агачского района при существующем соотношении основных этнических групп, русский язык сохраняет свое значение. На нем издается печатный орган администрации района газета «Чуйские зори».

Характер межнационального диалога в полиэтничном сообществе определяется целым рядом факторов. Принятие правовых актов на уровне Республики не снимает всей сложности отношений. На их контекст во многом влияет историческая память этносов и опыт сосуществования в единой социально-политической системе.

История не раз сталкивала казахский и алтайский народы. Устная традиция казахов сохранила память о сражениях и героях эпохи Джунгарского владычества и последующих времен. Напоминанием об алтайских походах стало сословие «толонгут». По мнению исследователей, оно сложилось в казахской степи из потомков домашних слуг, в которых превращали пленных теленгитов³⁵. За бывшими подданными западных монголов народная этнонимика казахов Кош-Агача закрепила прозвище «калмаки», имеющее для коренного населения негативный смысл.

Среди уроков прошлого особенно трагичными в этнической памяти алтайцев (теленгитов) представляют события земельного передела конца XIX в., а также годы гражданской войны, когда политическое противостояние нередко принимало форму межнациональной конфронтации.

Процесс суверенизации, стимулируя этнонациональные амбиции, активизирует противоречивый опыт исторических контактов. Тема «противостояния», «мы и они», «коренные и пришлые» присутствует в обыденном сознании жителей приграничной зоны. Она выплескивается в случайных стычках молодого поколения и в известной степени определяет мотивы внутренней миграции.

С 1990 г. начинается массовый выезд казахов за пределы Алтая. По заключению правительственной комиссии (работавшей в 1992 г.), он обусловлен стремлением к воссоединению нации, усилившимся с провозглашением независимого государства Казахстан³⁶.

По данным на 1989 г. население Кош-Агачского района Горно-Алтайской автономной области составляло 16,4 тыс. человек: 39,6% от общего числа его приходилось на долю теленгитов и алтайцев, 54,5% (около 9 тыс. человек) – на долю казахов³⁷. В 1991 г. в районе насчитывалось 8200 казахов, 7013 теленгитов (алтайцев); в 1993 г. соответственно 6377 и 7264 человек. В последние годы миграция пошла на убыль, наметился обратный процесс. В 1995 г. население района составило 15 748 человек, из них 7999 казахов, 7555 теленгитов (алтайцев)³⁸. Для казахов-переселенцев, столкнувшихся с необходимостью адаптации к экономическим и социокультурным условиям вновь обретенной родины, возникла проблема этнической идентификации. Большую роль в самоопределении казахов Алтая играл и играет религиозный фактор. Активная исламизация района в последние годы, связанная с установлением контактов с исламским миром (с мусульманами Казахстана, Монголии, Китая, Турции) актуализирует не только религиозное, но и этническое сознание и способствует консолидации казахов Республики. В современных условиях, когда алтайцы обрели статус «титульной» нации, а казахи, сохраняющие лидирующие позиции в социальной инфраструктуре, оказались в роли этнического меньшинства, религиозный фактор, став формой самоопределения, приобрел особую значимость.

В 1993 г. в пос. Жана-Аул появилась первая на Алтае мечеть-медресе. Год спустя состоялось открытие мечети в с. Тобелер. На церемонии, собравшей руководителей хозяйств, представителей районной администрации и родовых старейшин, выступил глава общины мусульман Республики Алтай главный имам Амангельды Кабдаебаев. Бывший комсомольский работник, окончивший двухгодичные курсы в медресе Меркенской мечети Джамбульской области, он обратился к единоверцам со словами: «Сто двадцать лет назад приехали первые поселенцы-казахи на эту священную землю, и только начиная с прошлого года люди могли свободно, открыто и массово приобщаться к религии ислама с открытием первой мечети в республике в Жана-Ауле... Открытие мечети для жителей Тобелера имеет огромное значение. Ведь чего греха таить, мы за последние годы стали забывать свой родной язык, культуру, традиции и обычаи. В этом отношении мечеть объединит всех нас в одну семью, поможет нам жить в дружбе и в согласии единой семьей»³⁹.

Обращение к вере и традициям предков, имея целью гармонизировать общественные отношения, превращается в способ преодоления противоречий, лежащих вне пределов национальной сферы.

Развал колхозно-кооперативных структур, нерентабельность основной отрасли – животноводства, резкое падение жизненного уровня определяют кризисный характер социально-экономической ситуации в Кош-Агачском районе. Стрессовые обстоятельства жизни привели к снижению рождаемости – с 625 человек в 1989 г. до 365 в 1994 г. при сохранении прежних показателей смертности – 159 человек в 1989 г., 151 в 1994 г. (из них 14 человек совершили самоубийство). Обострилась криминогенная обстановка: число преступлений возросло со 124 в 1990 г. до 135 в 1994 г., при этом тяжких преступлений было в 1990 г. 20, а в 1994 – 38. Одним из показателей социального неблагополучия в районе является рост пьянства⁴⁰.

Отсутствие реальных мер по социальной защите населения оборачивается обращением к религиозным авторитетам и авторитетам прошлого. Наряду с восстановлением женсоветов, товарищеских судов и добровольных народных дружин возрождаются традиционные структуры, в том числе институт зайсанов – родовых старейшин среди теленгитов и формы религиозной общности среди казахов. Забота о будущем является одной из тем публичных проповедей исламского духовенства, приуроченных к священным датам. Утверждая нормы религиозной общности и морали, лидеры местной мусульманской общины акцентируют внимание на общечеловеческих ценностях и обращаются не только к единоверцам, но и ко всему полиэтничному сообществу, призывая сплотиться во имя будущего. Ориентация на диалог, противостоящий деструктивным тенденциям в обществе, играет все большую роль в межнациональных отношениях. Опираясь на исторический опыт, многона-

циональное сообщество юга Алтая пытается определить оптимальные формы своего существования. Во многом его перспективы определяются установлением толерантного стиля межнациональных отношений, возможностями осуществления в рамках Республики национальной политики, учитывающей самобытность и специфику каждого этнического образования, будь то «титупная» нация или национальное меньшинство. Принятие федерального закона «О национально-культурной автономии» 22 мая 1996 г. и утверждение Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 15 июня 1996 г. создают правовые основы для выбора путей развития и защиты национальных интересов народов и всей страны, и Алтая⁴¹.

Примечания

¹ Законы Республики Алтай (далее – РА). Вып. 1. Горно-Алтайск, 1992. С. 3.

² Макашов А.П., Минаев А.И. Население Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 6–8, 11. Впервые специальное исследование казахов Алтая (казахов Чуйской степи Кош-Агачского района) было проведено А.Н. Самойловичем в 1927 г. В его работе, опубликованной в 1930 г. (*Самойлович А.Н. Казаки Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области* // Казаки. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 15. Л., 1930) рассматривалась история переселения, особенности родо-племенного деления и культурная специфика кош-агачских казахов. В 1978 г. экспедиционные исследования в районе были предприняты С.И. Вайнштейном (*Вайнштейн С.И. Этнографические исследования в Горном Алтае и Туве* // Полевые исследования Института этнографии – 1978. М., 1980.). В конце 1970-х годов планомерное изучение казахов Южного Алтая проводилось А.В. Коноваловым. В его обобщающей работе «Казахи Южного Алтая (Проблемы формирования этнической группы)» (Алма-Ата, 1986) проживающие компактно казахи Кош-Агачского района были определены как самостоятельная этническая группа, обладающая культурной и языковой спецификой и высоким уровнем самосознания.

³ Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1927; Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи: XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1983; *его же*. Цинская империя и народы Саяно-Алтая: XVIII в. Алма-Ата, 1983; *Потанов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953; *его же*. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

⁴ Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в. Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 167, 171.

⁵ Хафизова К.Ш. Некоторые данные о расселении казахов в XVIII в. // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч. 2. М., 1987.

⁶ Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. Новосибирск, 1984. С. 84.

⁷ Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алма-Ата, 1974. С. 128.

⁸ Шмурло Е. Описание пути между Алтайской станцией и Кош-Агачем в Южном Алтае // Зап. Зап.-Сибирского отд. Импер. Географического о-ва. Омск, 1898. Кн. XXIII. С. 37; Гос. архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 119.

⁹ Шмурло Е. Указ. раб. С. 42; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 119.

¹⁰ Сибирский купец А.Д. Васенов. Ч. I. Дневники. Барнаул, 1994. С. 63.

¹¹ Сагалаев А.М. Указ. раб. С. 84.

¹² Ерошов В.В., Кимеев В.М. Тропою миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995.

¹³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 65, 70–72.

¹⁴ Шмурло Е. Указ. раб. С. 42.

¹⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 93–94.

¹⁶ Грум-Гржимайло Г.Е. Указ. раб. С. 739.

¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 65, 119–122, 153–155.

¹⁸ Там же. Л. 170.

¹⁹ Белов Е. Царская Россия и Западная Монголия в 1912–1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 96.

²⁰ Там же. С. 99, 104 (материалы Архива внешней политики России – ФФ. «Китайский стол», «Миссия в Пекине», «Канцелярия министра»).

²¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3216. Л. 170б, 170в.

²² Белов Е. Указ. раб. С. 99–100.

²³ Там же. С. 101.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 100.

- ²⁶ Гос. архив Алтайского края. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 3–5.
- ²⁷ *Самойлович А.Н.* Указ. раб. С. 306–312.
- ²⁸ Гос. архив Республики Алтай. Оп. 9. Д. 1, 2.
- ²⁹ *Коновалов А.В.* Указ. раб. С. 134–141.
- ³⁰ Данные отдела статистики Кош-Агачской районной администрации РФ. Предоставлены его начальником Имансакиповой М.С.
- ³¹ Данные Отдела загс Кош-Агачского района. Предоставлены заведующей отделом Наевой В.А.
- ³² Законы РА. Вып. 1. С. 5; Ведомости Верховного Совета РА. 1993. № 3. С. 89.
- ³³ Чуйские зори (пос. Кош-Агач). 1993. 4 сентября. С. 2–3; Там же. 4 июня. С. 1.
- ³⁴ Чуйские зори. 1993. 25 октября. С. 2–3.
- ³⁵ *Муканов М.С.* Указ. раб. С. 36; *Радлов В.В.* Из Сибири. М., 1989. С. 347; *Грум-Гржимайло Г.Е.* Указ. раб. Т. 3. Вып. 2. Л., 1930. С. 7426.
- ³⁶ Чуйские зори. 1992. 1 августа. С. 2.
- ³⁷ *Макашев А.П., Минаев А.И.* Указ. раб. С. 6–8.
- ³⁸ Данные отдела статистики Кош-Агачской районной администрации.
- ³⁹ Чуйские зори. 1994. 4 июня. С. 1–2.
- ⁴⁰ Чуйские зори. 1994. 11 марта. С. 3; Там же. 1995. 25 февраля. С. 4; Данные отдела статистики Кош-Агачской районной администрации.
- ⁴¹ Российская газета. 1996. 25 июня. С. 3; 10 июля. С. 5.

I. V. O k t i a b r s k a y a . Kazakhs of Altai. History and the modern period

During the period of XIX–XX centuries different tribal divisions of Altai Kazakhs developed into rather integrated ethnic entity with specific culture, language, confessional and ethnic identity. After 1991 when Altai region has been granted a form of sovereignty within the Russian federation Kazakhs, as well as other ethnic groups, have got guarantees of their ethnic rights.